

ИЗ СТАТЕЙ АНДРЕЕВА

Публикация В. Н. Чувакова

Статьи Андреева о Горьком тематически распадаются на две хронологические группы: 1900—1902 гг. и 1916—1917 гг.

Ранние фельетоны Андреева в «Курьере» относятся ко времени наибольшей близости писателей и свидетельствуют о глубоком влиянии Горького на мирозерцание Андреева. Это влияние, в частности, ощутимо в подходе Андреева к основным задачам современной литературы и искусства. Отголоски бесед с Горьким и воздействие его произведений проявляются, прежде всего, в трактовке Андреевым проблем современности и места писателя в общественной жизни. Первое упоминание произведения Горького в публицистике Андреева встречается в статье 1900 г. Комментируя меланхолические рассуждения газет о вялой подписке на памятник поэту И. С. Никитину, Андреев пишет о «серенькой жизни» провинции, где «во тьме копошатся раздавленные ложью жизни Фомы Гордеевы, загнанные в футляр страхом жизни человечки...» («Курьер», 1900, № 35, 4 февраля). Близки Горькому взгляды Андреева той поры на литературу, отразившиеся в фельетонах из того же цикла «Впечатления» — о Глебе Успенском (1900, № 27, 27 января и № 46, 15 февраля), о творчестве Щепкиной-Куперник (1900, № 354, 22 декабря), о «Журнале для всех» (1901, № 5, 5 января), и в фельетоне из цикла «Москва. Мелочи жизни» — о постановке пьесы Э. Ростана «Сирано де Бержерак» (1900, № 258, 17 сентября). Солидарен Андреев с Горьким и по частным проблемам — например, о необходимости борьбы с ремесленными переделками литературных произведений для сцены («Курьер», 1900, № 124, 5 мая; 1901, № 119, 1 мая и др.).

Андреев видел в Горьком не только старшего товарища по литературному труду и доброго советчика. Для него Горький был знаменем новой демократической литературы, «рь царем духа», который поднялся из низов жизни и открыл собой новый «оптимистический» период в истории русской литературы.

Фельетоны молодого Андреева рано обратили на себя внимание цензуры. Некоторым из них посвящались специальные заседания Московского цензурного комитета. В докладе Главному управлению по делам печати Комитет в подтверждение политической неблагонадежности «Курьера» ссылаясь на фельетоны Джемса Линча, который «постоянно задумывается о том, как-де на Руси серо и душно, главным образом от чрезмерной правительственной опеки» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 22, ед. хр. 1, л. 115). Впоследствии Андреев вспоминал, что терял в цензуре «пятьдесят процентов написанного» («Цензура» — «Русская воля», 1917, № 16, 15 марта). Так, не увидев света фельетон Андреева о проезде Горького мимо Москвы в ноябре 1901 г. Рукописи фельетонов Андреева, к сожалению, не известны, что делает невозможным восстановление изъятых цензурой мест. Исключением является только статья о генеральной репетиции «Мещан» в Художественном театре перед петербургскими гастрольями, которая впервые публикуется нами полностью (по обнаруженному в фонде Главного управления по делам печати цензурным гранкам).

Статьи второго периода являются развернутыми выступлениями уже идейного противника Горького. Весь пафос статьи «„Летопись“ и мемуары Шаляпина» заключается в попытке «развенчания» Горького как учителя, которого покидают разочарованные ученики.

Печатаемые ниже фельетоны и статьи Леонида Андреева о Горьком дают представление о том, как их обмен мнениями и споры по актуальным проблемам современной жизни и литературы получали отражение в практической деятельности Андреева-публициста.

<1>

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Повсеместно предается анафеме Максим Горький. Пожалованный публикой в свои любимцы, он не сумел оценить этой высокой чести, и когда в один прекрасный вечер его пришилили, как бабочку, для надлежащего рассмотрения, — он заворочался на проволоке и жестоко оскорбил этим неприличным движением снисходительных зрителей.

Пришилилен он был на одну проволоку с Ант. П. Чеховым, и произошло это в стенах «Художественного» театра, где оба писателя присутствовали в течение нескольких вечеров подряд. Есть основание думать, что пришлили они в театр за тем, за чем ходят туда и другие, — смотреть, но в действительности они сами подверглись операции рассматривания, и притом операции в достаточно жестокой и грубой форме. Толпа любопытствующих «почитателей» плотным кольцом окружила их и старательно следовала за ними: направо — направо, налево — налево, в буфет — в буфет. В буфете они садятся пить чай — и почитатели с жадным любопытством смотрят в рот, вдумываясь в смысл каждого движения руки и челюстей любимого писателя:

— Смотрите, Чехов сухарь взял!

— А Горький-то, Горький-то лимон давит!

Зловещим шепотом, пораженные ужасом и изумлением:

— Глодают!..

— Не может быть!

— Ей-богу!

С восторгом:

— Подавился!

— И Чехов подавился!

— Оба подавились!

— Какие у них у обоих большие глаза!

— Но какое странное выражение!

— Господа, нельзя же так: вы мне на мозоль наступили.

— Виноват!.. Скажите пожалуйста, что здесь показывают?

Давно уже прозвучал третий звонок и занавес поднят, но почитатели предпочитают смотреть, что пьет А. Чехов, нежели то, что он написал: «Дядю Ваню». Особый, весьма культурный род почитания, довольно распространённый. Вот тут-то М. Горький и совершил инкриминируемый поступок. Менее, по-видимому, кроткий характером, нежели А. П. Чехов, он произнес краткую, но энергичную речь, в таком виде передаваемую газетами:

«Что вы глазете на меня? Что я — Венера Медицейская, балерина или утопленник? Я пишу рассказы; они вам, очевидно, нравятся, — очень рад этому обстоятельству. Но зачем же вы ходите за мной по следам, смотрите мне в рот, хлопаete мне?.. Напишу пьесу, понравится вам, — ну и шлепайте себе на здоровье... Вот и сейчас в театре давно уже подняли занавес, идет такая чудная, высокохудожественная пьеса, а вы предпочитаете стоять в фойе и смотреть, как я с Антоном Павловичем чай пью!.. Стыдно, господа, стыдно...»

В самые сердца проникло слово любимого писателя, и почитатели — захлопали:

— Bravo! Bravo! Бис!

Не знаю, в газетах не сказано, каковы в этот момент были лица Горького и Чехова. Но мне думается, что они должны были рассмеяться: уж очень это мило, ей-богу.

АНДРЕЕВ

Фотография М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1902 г.
Литературный музей, Москва

Конечно, на следующий же день «инцидент» был предан гласности, если не ошибаюсь, мистером Пэком из «Новостей дня», и затем совершил круговой рейс по всем газетам с добавлением различных комментариев. Последнее, как это водится, гораздо интереснее самого «инцидента».

Характернее всего было письмо «из публики» (то есть одного из тех, кому М. Горький сказал: «стыдно»), помещенное в «Новом времени»¹. Отнесясь с полным неодобрением к тону и слогу горьковской речи, почитатель заявляет:

«Избалованный критикой и читателями, г. Горький принял только на свой счет все внимание публики» etc.

Далее почитатель возмущается, что Горький сказал: «Я пью чай с Антоном Павловичем», а не так хотя бы: «Антон Павлович пьет чай со мной», и на этом основании сравнивает М. Горького с опереточным Сам-Пью-Чай. Наконец, говорит почитатель: «Ни место, ни время, ни *вежливость* не позволяли нам ответить Горькому, как следовало...»

И после этих грозных намеков неожиданно добавляет: «тогда мы в замешательстве могли только аплодировать *чужаку*».

Вот это письмо действительно интересно. Еще раз оно подтверждает, что не умерло великое русское правило: или в ручку — а не то в зубы. Не дал Горький ручку поцеловать — так в зубы его! Дает это письмо представление и о том, что за «почитатели» ходили толпой за писателем.

Любопытные отзывы появились и в прессе. Особенно хорош один из них, на основании именно этого инцидента обвиняющий М. Горького в том, что он — *намеренно рекламирует* себя! Именно: зачем г. Горький каждый антракт ходил через фойе в кабинет г. Немировича-Данченко? Зачем г. Горький публично пил чай с Антоном Павловичем? Зачем г. Горький подчеркивает «свою персону» синей блузой?

Зачем, наконец, добавлю я от себя, — М. Горький не сидит на крыше, куда никто из почитателей к нему не полез бы? Зачем М. Горький написал эти свои рассказы? Да и за каким наконец чёртом он родился — как не для саморекламы!

Нет, гг. «почитатели», несите ваши восторги тенорам, борцам, призовым лошадям, балеринам, — но оставьте писателей: стыдно!

Л. — е в. Впечатления. — «Курьер», 1900, № 317, 15 ноября.

В ПССА фелетон с незначительными авторскими исправлениями вошел в т. VI, стр. 231—233, под заглавием «Русский человек и знаменитость» (см. о ндм Переписка, № 10).

¹ Подразумевается анонимная заметка «Из публики» («Новое время», 1900, № 8877, 12 ноября).

При цитировании Андреев допускает некоторые неточности. Курсив везде принадлежит Андрееву.

⟨2⟩

МОСКВА

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

...Вспомните, сколько огненных слов было выброшено по поводу блузы Толстого, блузы Горького, с каких оригинальных точек зрения блузы эти печатью ни рассматривались — и с точки зрения их покроя (здесь было высказано особенно много дельных мыслей), и с точки зрения соответствия блузы с их произведениями, и с точки зрения философской, исторической, экономической. Целая литература о двух блузах, — литература, в которой русские журналисты затратили так много огня, что для освещения темных житейских уголков ничего не осталось. Но даже Толстым или Горьким не нужно быть для того, чтобы привлечь на себя внимание отзывчивой прессы; Артемьев Павел, будучи только парикмахером, занесен печатью на скрижали истории, ибо носил и носит русский костюм.

⟨...⟩ Какое действительно дело какому-нибудь Дзету, что М. Горький ходит в блузе?¹ — Ходит, ну и пусть ходит, его это дело, а не наше. То, что есть в М. Горьком нашего, общечеловеческого, — он отдает нам в своих творениях, о них и суд, о них и разговор. Но нет. Дзета слишком много стригли, для того, чтобы чужим волосам он предоставил расти на свободе.

С детства упорно крахмалили его душу, пока она потеряла способность сгибаться в сторону всего живого и незаурядного...

James L yn ch. Москва. Мелочи жизни. — «Курьер», 1901, № 76, 18 марта.

В ПССА, т. VI (стр. 314—316) часть фельетона объединена с другими под общим заглавием «Актер».

¹ По-видимому, «Осколки петербургской жизни» И. Грэка («Осколки», 1901, № 12, 17 марта).

И. Грэк, Игрек — псевдонимы писателя-юмориста Виктора Викторовича Билибина (1859—1908).

⟨3⟩

МОСКВА

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

[Крупный и серьезный] * успех, который выпал в Петербурге на долю «Мещан» М. Горького, не явился неожиданностью для меня, да и для всех тех, кто присутствовал на генеральной репетиции пьесы в Москве. Хотя гг. Станиславский и Немирович-Данченко предупреждали, что пьеса не совсем еще готова, особенно третий акт (четвертый совсем не ставился), да и так видна была некоторая незаконченность в отделке ролей — при всем этом репетиция давала вполне достаточно материала для суждения как о самой пьесе, так и об ее исполнении. Отзывы петербургских газет об игре артистов в общем подтверждают те выводы, которые сделал я на репетиции. Все это дает мне право поговорить о «Мещанах» не только как о пьесе читанной, но как и о виденной, с известной и необходимой дозой осторожности в оценке ее исполнения. Можно было бы, конечно, отложить разбор до того времени, когда «Мещане» пойдут в Москве, но здесь есть маленькая заковыка. Петербург город хороший, достойный всякого уважения, но на всё у него есть свои вкусы: на литературу и театр, и эти вкусы частенько расходятся с нашими. Поэтому, как ни полны будут отзывы петербургской прессы, в них для московского читателя останется нечто... не то чтобы самостоятельное, а нуждающееся в легкой проверке.

Особенности первой пьесы М. Горького — в ней нет того, что называется драматическим действием, и нет второстепенных лиц. Взял кусок жизни такой, какова она есть, с ее медленным движением и потаптыванием на одном месте, когда люди успевают состариться, наплодить детей, умереть, а «действий», как будто, никаких не совершить. Поступков много, а действий нет. Пьют, едят, разговаривают, ссорятся, сходятся и расходятся, [являются участниками «происшествий»] и сплошной копошащейся массой движутся куда-то [вперед]. И только тогда, когда увидишь, как [все они ушли далеко вперед и как] конец не похож на начало, — только тогда почувствуешь, поймешь, что за этим видимым отсутствием действия кроются могучие силы жизни, [разрушающей, карающей, судящей и созидающей]. Эта художественная *историчность* жизни, впервые введенная в русскую драму А. П. Чеховым, доведена до полного [и блестящего] развития в «Мещанах», названных автором, по-моему, совсем неосновательно, драматическим эскизом. Этим наименованием М. Горький только ввел в заблуждение рецензентов [и без того склонных заблудиться и не найти новой дороги, на которую давно уже приглашает их русское искусство]: приходя от «Мещан» в восторг, или с грустью говорят об отсутствии действия как о техническом несовершенстве и ищут силу оправдания в названии «эскиз». [Рецензенты — они ведь в известных случаях народ

* В прямые скобки заключены слова, зачеркнутые цензором. — Ред.

доверчивый — добавь М. Горький: «плохой эскиз», они с готовностью освистали бы его.]

На сцене Художественного театра [этого великого удовителя жизни,] «Мещане» с первого момента поражают зрителя своей жизненностью: то ли это актеры играют, то ли ты в щёлочку подсматриваешь, как живут и страдают люди. Но как сам Горький не сфотографировал жизни, а провел ее сквозь горнило художественного творчества [осмыслил ее и в запутанном клубке человеческих отношений черным отметил те ниточки, за которые нужно взяться, чтобы клубок распутать], — так и театр с присущей ему силой передал самый дух горьковской пьесы. Можно было не без основания опасаться, что артисты, играющие два-три раза в неделю пьесы А. П. Чехова, проникнутые его настроением, не сумеют отрешиться от него и здесь и, обманутые тождеством художественных приемов, вольют в «Мещан» совсем неподходящее содержание — но этого [к счастью,] не случилось. Энергичная физиономия [смелого] борца с мещанством осталась незатемненной [и неискаженной: не содрогание ужаса вызывает мещанство, а спасительную злость и презрительное сожаление. Оно еще сильно, корни его глубоки, и далеко вперед, в лице Петра, протягивает оно свои цепкие руки — но жизнь еще сильнее. Пусть носители иного, свободного начала жизни еще не в силах победить мещанство, они во всяком случае добились уже многого: они сумели отравить ему существование].

В пьесе Горького «мещанство» свило себе комфортабельное гнездо в шкуре всех членов Бессеменовской семьи. [Глубоко] ошибаются те из рецензентов, которые мишенью авторских ударов считают старика Бессеменова, а не его детей. Студента Петра и Татьяну считают чуть ли не жертвами на том основании, что они с родителями всё ссорятся и на жизнь свою жалуются. Дело в том, что мещанство просто меняет кожу, и если у змеи эта операция происходит безболезненно, то у людей она сопряжена с некоторыми страданиями. И если говорить о мещанстве, то то, которое воплотилось в старике Бессеменове — это мещанство вчерашнего дня, только на кончике захватившее нынешнее, мещанство глупое, растерянное и наполовину уже ограбленное мещанином сегодняшнего и завтрашнего дня — Петром. [Вот кто истинный мещанин и мещанин опасный, ибо он только что вылупил, голоден и способен внушать сочувствие. В том, что М. Горький в пестроте текущей жизни сумел найти и в полном смысле слова схватить за шиворот этого невинно-накостного оборотня, сказывается его громадное художественное и общественное чутье.]

Про старика Бессеменова можно сказать: «Люблю тебя, сосед Пахом; ты просто глуп и слава богу»¹. Это мещанин прямолинейный, наивный, по приемам грубый и играющий с открытыми картами. Пока сила была за ним, он бесхитростно, по-медвежьи, душил; считал деньги, карал детей, законопачивал все щёлочки, откуда проглядывала [живая] жизнь, и задышался в созданной духоте. Петр — иное дело. Детей карать он не будет, ибо по части гуманности и педагогики достаточно натаскан; [окон и дверей он настежь не откроет, но] вентиляторов наделает, [на основании чего все жалобы на духоту будет считать недоказанными]. И воздух в его квартире будет приличный, и заведовать им будет он сам: там [слежка] форточку приоткроет, здесь бумажкой заклеит. По сравнению с стариком Бессеменовым оно как будто и прогресс, но по существу — та же жизнебоязнь, [то же душительство], но [душительство хитрое], одобренное рациональностью, обмазанное медом хороших слов. [Старик попросту не знал, что на свете есть какие бы то ни было мнения, кроме его, а Петр знает, что существуют чужие мнения и даже уважает их — поскольку это уважение дает возможность пожимать руки и мерзавцам.]

В тот период своей жизни, когда его захватил Горький, Петр не чувствует за собой силы и потому канючит. Отчасти он пессимист, [как все

Москва.

Мелочи жизни

Кризис — и серьезное усилие, который выпал на Петербург на долю «Мещан» М. Горького, не являлся неожиданностью для меня, да и для всех тех, думаю, кто присутствовал на генеральной репетиции пьесы в Москве. Хотя гг. Станиславский и Немирович-Данченко предупреждали, что пьеса не совсем еще готова, особенно третий акт (целостный сюжет не закончен), да и так видна была некоторая незавершенность в отделе ролей — при всем этом репетиция давала вполне достаточно материала для суждения как о самой пьесе, так и об ее исполнении. Газеты петербургских газет обмалуживали, в общем подтверждая, что выводы, которые сдвинули на репетиции. Все это даст мне право поговорить о «Мещанах» — не только как о пьесе-чужбинной, но как и о выданной съ-извальной и необходимом дозой осторожности в ее оценке и исполнении. Можно было бы, конечно, отложить разбор до того времени, когда «Мещане» пойдут в Москву, но здесь есть наглые законы. Петербург город хорош, достойный всякого уважения, но на все у него есть свой вкус: на литературу и театр, и эти вкусы частично расходятся с нашими. Поэтому, как и поныне будут отзывы петербургской прессы, в них для московского читателя останется в ничто... не то чтобы самостоятельное, а нуждающееся в легкой поправке.

особенности первой песни М. Горького — из ней нить того, что называется драматическим действием и нить восторженнейших лиц. Взяв такую жизнь такой, каково оно есть, с ее медленными движениями и потопляением на одном месте когда люди устаивают сосуществовать, не плодить детей умереть, а «действия», как будто ни каких не совершить. Поступков много, а действий нет. Плыть, дышать, разговаривать, спорить, сходиться и расходиться, выживать, существовать, бороться и слезной копошащейся массой движется куда то вперед И только тогда, когда увидишь, как вот — один человек — истощенный, к концу не похожий на начало,—только тогда почувствуешь. Помнишь, что за этим видимым отсутствием действия, кроются могучая сила жизни.

первые введенная в русскую драму. А. П. Чеховым доведена до полного совершенства, развиты в «Ищущих» названные авторы, по моему, со свойственной им, драматическим эскизам. Стиль наименованъ М. Горьким только ввиду их заблужденности, а не потому, что они не являются драматургами, а потому, что они не понимают драматическое искусство, приходя от «Ищущих» въ восторгъ, какъ съ грустью говорятъ объ отсутствіи дѣйствія, какъ о технических несовершенствѣ и ищутъ ему оправданія въ названіи эскизовъ. Рецензенты — они въ въ извѣстныхъ случаяхъ — находятъ доведеніе драмы М. Горькимъ до уровня эскиза — они не понимаютъ драматическое искусство.

[illegible]

В пьесе Горького «Мещанство» сидит себе кофторобальное гитало в шкурку вселенщины Безземельского семейства. Горький ошибается тем же рецензентами, которые мещане авторский ударок считают старана Безземельского, а его детей. Студента Петра и Татьяну, считают чуть ли не жертвами на том основании, что они с родителями все ссорятся и на жизнь свою жалуются. Дело в том, что мещанство просто мняется кому, и если у мещан эта операция происходит безобозначенно, то у людей она сопряжена с мятельными страданиями. И если говорить о мещан-

ГРАНКИ ГАЗЕТЫ «КУРЬЕР» С ЦЕНЗОРСКИМИ КУПЮРАМИ РЕЦЕНЗИИ АНДРЕЕВА
НА ПОСТАНОВКУ «МЕЩАН» ГОРЬКОГО В МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ.

Пьеса была показана впервые 26 марта 1902 г. во время гастролей театра в Петербурге

Первая и вторая гранки

Государственный исторический архив, Ленинград

[illegible]

Въ тотъ періодъ своей жизни, когда
его захватываѣ Горькимъ, Пётръ еще не чув-
ствуетъ за собою смѣи и потому калю-
чить. Отчасти онъ просимистъ, но не

«Ахъ дождаться бы мнѣ чести»...

Группу стучащихся въ двери составляют и пѣвчій тетеревъ, машинистъ Нилъ, Елена, Перчихинъ, Пела и дру-

Вот Терзев — это орудие крупного калибра. По своей художественной законченности и яркости он является одним из лучших созданий огромного таланта М. Горького. Да и исповедателя Терзеву нельзя возмущать: г. Баранов так полно осуществляет авторские замыслы, так самается с изображением эгоизма, что развѣ только г. Стадницкий въ „Доктор Штокманъ“ может превзойти его. Мощный голосъ, фигура, чело — все это у него есть, жесты, тонкая интонация фразировка, твердое чувство.

Но почему до того цѣльное живое и чудное понятие театра, представления, что даже странно как-то сморщитъ.

Я не брат Тимеров, не состою
в родствѣ ни съ обвиняемымъ... ни съ
потерпевшими. Я — самъ по себѣ. Я —
материальное доказательство преступле-
ния. Жизнь испорчена!

Тетерев беззащитен. Он вытеснен философствуем, так что отъ его философовани онъ въ мѣшанинъ. Домашъ трескаются, жить и дразнить Беззащитныи, думать съ Илюкомъ и компаней—онъ беззащитность, ибо не прошло еще его времени. Онъ сажикомъ великъ и проломилъ для стого мѣшанинъ, даго старикъ Беззащитныи и негдѣ ему повернуться—а вотъ когда Петръ устроитъ и себя приличный воздухъ съ национальнныи распределеніи космода на дождю сплю и водорода на дождь пригнати, Тетеревъ совершить запугуню чередосову.

Яркий и художественный образ Елены даст г-жа Кнелперъ.

те, кого долго заставляют ждать у накрытого стола], отчасти и протестант, и в этом отношении как будто совпадает с другими персонажами пьесы. Но только как будто. В одну и ту же дверь часто стучатся и грабитель и ограбленный: один, спасаясь от погони, другой — чтобы пограбить. К Петру очень подошли бы слова воеводы из «Князя Игоря»:

«Ах, дождаться бы мне чести...»

К сожалению, в лице г. Мейерхольда Петр нашел недостаточно сильного исполнителя. Это все тот же мающийся интеллигент без особых примет, каким является названный артист и в «Одиноких», и в чеховских пьесах ². Роль старика Бессеменова, более богатая красками, вполне удалась г. Лужскому.

Группу стучащихся в двери составляют и певчий Тетерев, машинист Нил, Елена, Перчихин, Поля и другие [— уже одно количественное преобладание их лишает пьесу характера уныния. Да и качественно представители антимещанского начала будут посильнее]. Среди них на первое место, вопреки быть может замыслу автора, я поставлю певчего Тетерева. [Как ни хороши Нил и Елена — особенно последняя — но их здоровая и стойкая жизнелюбность недостаточно полна, если можно так выразиться, философско-общественного смысла. Это просто здоровые, духовно свободные люди, которым прямо по натуре их претит мещанская связанная жизнь. Они борются с мещанством, разрушают его в местах своего с ним прикосновения — но это не та пушка, которая разрушит стену мещанства: это только два хороших и метко направленных ядра.]

Вот Тетерев — это орудие крупного калибра. По своей художественной законченности и яркости, [по глубокому внутреннему значению,] Тетерев является одним из лучших созданий огромного таланта М. Горького. Да и исполнителя Тетерев нашел изумительного: г. Баранов ³ так полно осуществляет авторские замыслы, так сливается с изображаемым лицом, что разве только г. Станиславский в «Докторе Штокмане» может превзойти его ⁴. [Мощный] голос, фигура, [точно отлитая из чугуна,] жесты, [полные силы и величавой снисходительности, неподражаемая] фразировка, [когда каждое слово будто высекается из камня] * это нечто до того цельное, живое и чуждое понятию театра, представления, что даже странно как-то смотреть.

[Тетерев бездействует. Он словно вне жизни. По чрезвычайно меткому выражению Горького:

— Я, — говорит Тетерев, — не состою в родстве ни с обвиняемым... ни с потерпевшими. Я — сам по себе. Я — вещественное доказательство преступления. Жизнь испорчена!

Да, это правда — но ведь часто исход процесса определяется как раз вещественными доказательствами. И Тетерев — доказательство весьма существенное, и раз оно представлено в суд, самому господину адвокату с ним не справиться.

Тетерев бездействует. Он пьет, философствует так, что от его философствования обои в мещанских домах трескаются, злит и дразнит Бессеменовых, дружит с Нилом и компанией — он бездействует, ибо не пришло еще его время. Он слишком велик и громоздок для старомещанского дома старика Бессеменова и негде ему повернуться — а вот когда Петр устроит у себя приличный воздух с рациональным распределением кислорода на долю свою и водорода на долю прислуги, Тетерев совершит заметную перетасовку.

Здоровый малый: ему ничего не стоит плечом не только дверь высадить, а и целую стену.]

Яркий и художественный образ Елены дает г-жа Книппер.

* Здесь на полях цензором поставлено: М.—Ред.

Со значительными цензурными изъятиями рецензия напечатана в «Курьере», 1902, № 89, 31 марта.

2 апреля 1902 г. издатели «Курьера» Я. А. Фейгин и А. Г. Алексеев направили в Главное управление по делам печати докладную записку, в которой, жалуясь на притеснения цензуры, писали: «Постоянные противоречия между программой газеты и цензурой создают такое положение, при котором редактор и сотрудники совершенно теряют необходимое для каждого работника в общественном деле сознание объема своих прав и предела своих обязанностей; работа принимает невольно болезненно-нервный характер, результатом работы являются всё большие и большие недоразумения редакции с цензурой».

Одним из многочисленных доказательств таких отношений может служить прилагаемый при сем в гранках фельетон Джемса Линча „Москва“ с приведенными в гранках красным карандашом вымарками цензора.

Подобная цензура, при которой оказывается недозволительным выразить свое мнение, что у данного артиста голос — „точно отлит из чугуна“, что люди двигаются „вперед“ и т. п., совершенно выбивает из колеи спокойной работы как сотрудников, так и самого редактора. Что можно и чего нельзя писать — становится загадкой, над мучительным разрешением которой бьешься, как рыба об лед...» (ЦИАЛ, ф. 776, оп. 8, 1893 г., д. 772, лл. 215 об.— 216).

Впервые публикуемый полный текст фельетона Андреева о постановке «Мещан» в Художественном театре печатается по сохранившимся в цензурном деле «Курьера» гранкам (там же, лл. 218—222). См. также Переписка, № 47.

¹ Цитата из эпиграммы Пушкина «Ты прав, несносен Фирс ученый...»

² В. Э. Мейерхольд в труппе Художественного театра пробыл до 1902 г. В драме Г. Гауптмана «Одинокое» (премьера 16 декабря 1899 г.) играл молодого ученого Иоганна Фокерата.

³ Николай Александрович Баранов — актер Художественного театра с 1899 по 1903 г. В прошлом — певчий церковного хора. По воспоминаниям Станиславского, он «был, несомненно, талантлив, неплохой, добродушный человек, но запойный и совершенно некультурный (<...> Однако в данной роли, как выяснилось потом, его первобытность оказала ему услугу. Баранов принимал за чистую монету все, что говорит и делает в пьесе Тетерев. Он стал для него положительным лицом, героем, идеалом (<...> Его Тетерев вышел не театральным, а подлинно певчим, и именно это сразу почувствовал зритель и оценил в должной мере» («Моя жизнь в искусстве». — К. С. Станиславский и И. Собр. соч. в восьми томах, т. I. М., «Искусство», 1954, стр. 252).

⁴ Драма Г. Ибсена «Доктор Штокман» была поставлена в Художественном театре Станиславским и В. В. Лужским (премьера 24 октября 1900 г.). Станиславский играл главную роль — врача Штокмана. Созданный им образ произвел огромное впечатление на Андреева (см. ПССА, т. VI, стр. 329—333 — «Диссаванс»).

<4>

МОСКВА

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

...Главная форма отношения московской печати к истинному искусству и представителям его — это глумливое и тупое издевательство. Художественный театр, фанатически преданный своему высокому делу, сразу двинувший русское театральное искусство на десяток лет вперед, ставший недостижимым образцом для самых образцовых театров, — чуть ли не ежедневно окачивается жидкой грязью. То, что должно было бы вызывать особое уважение: преданность делу, изумительная старательность подготовки, встречаются бессмысленным и тупым смехом газетной черни. Опошлывшаяся в погоне за сенсацией, ничего в сущности не любящая и не уважающая даже самих себя, стихийно нелепая в своей бессознательной солидарности с подонками интеллигенции, — она с гиком и свистом потрясает своими бубенцами всякий раз, как Художественный театр делает шаг вперед на своем трудном пути.

Он ставит «Власть тьмы»¹, провалившуюся в Малом театре, и хочет на месте собрать бытовой материал, дабы не впасть в обычную сценическую ложь, — со всех сторон свист, улюлюканье, рыночное остроумие на тему о том, что на сцене будут настоящие лошади из Тульской губернии и настоящий навоз.

Он ставит «На дне» Горького; во избежание той же лжи, идет на Хитровку, чтобы непосредственно ознакомиться с ее героями — тот же свист, улюлюканье и бессмысленные насмешки².

Хорошо поет Гейне:

Бери барабан и — не бойся!

Целуй маркитантку звучней!

Вот смысл глубочайшей науки!

Вот смысл философии всей!

Крепко жму руку твою

Леонид!

Алексей Пешков
житель нижегородский и
арзамасский, цеховой ма-
лярного цеха, бывший ака-
демик и твой товарищ.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО АНДРЕЕВУ НА ПЕРВОМ ИЗДАНИИ ПЬЕСЫ
«МЕЩАНЕ» (СПб., 1902):

«Хорошо поет Гейне:

Бери барабан и — не бойся!

Целуй маркитантку звучней!

Вот смысл глубочайшей науки,

Вот смысл философии всей!

Крепко жму руку твою, Леонид!

Алексей Пешков

житель нижегородский и арзамасский, цеховой малярного цеха, бывший академик и твой товарищ»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Вместе с тем, тот же Горький, автор пьесы, придает такое существенное значение правдивости бытовой стороны ее, что поручает нижегородскому фотографу-художнику М. П. Дмитриеву³ собрать целый ряд соответствующих фотографий, и М. П. Дмитриев с риском для себя собирает их на нижегородской Миллионке, в ночлежных домах и всюду, где ютятся забытые богом и людьми герои Горького. Я видел у Горького эти художественные

снимки и понял, какое важное и необходимое подспорье составляют они для театра, имеющего дело с совершенно новой и неисследованной областью жизни. Тем более важно непосредственное с ней знакомство.

Кстати: господин Шебуев из «Русского слова», слышавший от кого-то содержание пьесы «На дне», перепутал несколько ее конец: Василиса и не думает выходить замуж за Медведева ⁴.

Джемс Л и н ч. Москва. Мелочи жизни. — «Курьер», 1902, № 255, 25 августа.

¹ Премьера «Власти тьмы» в Художественном театре состоялась 5 ноября 1902 г.

² См. об этом в воспоминаниях Станиславского (К. С. Станиславский. Собр. соч. в восьми томах, т. I. М., 1954, стр. 256—258).

³ Максим Петрович Дмитриев (1858—1948) — выдающийся русский фотограф, положивший начало публицистическому фоторепортажу. В 1886 г. открыл в Нижнем-Новгороде собственное фотоателье. С 1889 г. работы Дмитриева с большим успехом экспонировались на выставках. В 1893 г. выпустил альбом «Неурожайный 1891—92 год в Нижегородской губернии. Фотографии с натуры», положительно оцененный В. В. Стасовым. Создал огромную серию «Волжские типы»; в 1896 г. был распорядителем и фотографом Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем-Новгороде. Автор фотопортретов Горького, Шалапина, Короленко, Менделеева и других знаменитых современников. В Музее Художественного театра хранятся присланные Дмитриевым фотографии типов босяков для постановки «На дне». О Дмитриеве — см.: С. Морозов. Русская художественная фотография. Очерки из истории фотографии. 1839—1917. М., «Искусство», 1955, стр. 90—112. Ценная коллекция фотографий и негативов Дмитриева находится также в фондах Музея Горького (в Москве).

⁴ Н. Георгиевич (Н. Шебуев). Подрумянившиеся души. — «Русское слово», 1902, № 223, 15 августа. 24 августа (№ 232) напечатан также фельетон Шебуева «Негативы», развязно вышучивающий работу Художественного театра над пьесой «На дне». О Шебуеве — см. Переписка, № 77, прим. 5.

АНДРЕЕВ

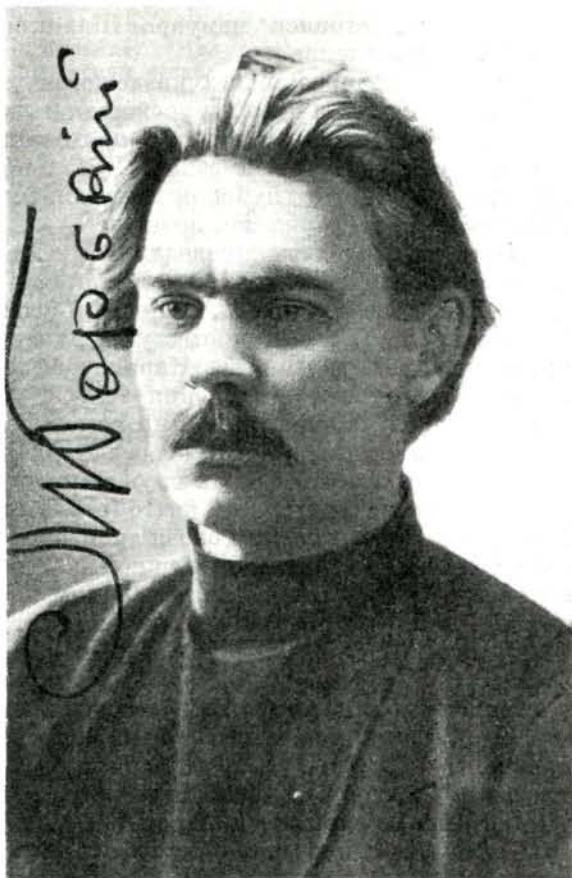
Почтовая открытка с фотографией Андреева 1902 г. и его автографической подписью. Распространялась вместе с фотографией Горького (см. на след. стр.)

Архив Горького, Москва

ГОРЬКИЙ

Почтовая открытка с фотографией Горького 1902 г. и его автографической подписью. Распространялась на литературно-музыкальном вечере, организованном М. Ф. Андреевым в Терпюках 30 июля 1903 г., с участием Горького, Андреева и А. И. Куприна. Сбор от вечера поступил в пользу Петербургского комитета РСДРП и семей бастующих рабочих Путиловского завода

Архив Горького, Москва

⟨5⟩

МОСКВА

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

...То-то хороши наши теперешние писатели. Сидят, как сверчки по за-печкам, всякие удовольствия от жизни получают и от имени всех своих интеллигентных сородичей горько жалуются на неудовлетворенность. И тут же сбоку, за стеной от них течет настоящая страдальческая жизнь народа, а что мы знаем о ней? Разве только от избытка талантливости обрядит писатель своего героя в лохмотья, — так ведь это декорация, бутафория, чёрт в ступе. Спасибо Максиму Горькому: пришел он со дна жизни и хоть кое-какие свежие вести принес оттуда на своей спине крюч-ника, в своих мозолистых руках молотобойца, в своей широкой груди вольнолюбивого босяка — а то совсем задохнуться бы можно от изобра-жения все одной и той же интеллигентной души в лохмотьях...

Джеме Л и н ч. Москва. Мелочи жизни. — «Курьер», 1902, № 269, 29 сентября. Под заглавием «О писателе» фельетон вошел в ПССА, т. VI, стр. 280—285.

Приводимые строки Андреев вложил в уста вымышленного собеседника.

⟨6⟩

«ЛЕТОПИСЬ» И МЕМУАРЫ ШАЛЯПИНА

После рабочих ¹ — писатели. Письмом в редакцию писатель Никандр-ов заявляет о своем выходе из сотрудников «Летописи» ². Причина —

«печатание в „Летописи“ мемуаров Шаяпина». Коротко и ясно и в высокой степени выразительно.

Странное недоразумение, казавшееся уже ликвидированным, продолжается при наличии новых и неожиданных сил: протестует уже не рядовой читатель, а писатель, которому не должно быть чуждо более широкое понимание литературных задач. Довольно-таки печальное зрелище, говорящее о каком-то глубоком внутреннем распаде. Никандров — против Горького: «своя своих не познаша».

Надо, однако, быть справедливым и признать, что во всей этой грустной истории повинен не кто иной, как сам М. Горький. Каков поп, таков и приход. Каков учитель, таковы и ученики. Ибо какая, в сущности, разница между Горьким, протестующим печатно против постановки в Художественном театре «Братьев Карамазовых»³ и связывающим свободу художественного самоопределения театра, и теперешними протестантами, которые восстают уже и против самого непоследовательного учителя и так же решительно вяжут руки редакции «Летописи»? Не заветам ли учителя они следуют? Не его ли оружием дерутся?

Любя литературу, как нечто отвлеченно-прекрасное и безгрешное, Горький не сумел внушить своей аудитории и своим последователям любви к литераторам, — к живой, грешной, как всё живое, и всё же прекрасной литературе. Всю жизнь, смотря одним глазом (хотя бы и попеременно, но никогда двумя сразу), Горький кончил тем, что установил одноглазие как догмат. Достаточно вспомнить его давнишние статьи о *мещанах* — Толстом и Достоевском⁴. Чему тут научишься? Еще недавно в той же «Летописи» проф. Тимирязев в своих воспоминаниях о пушкинском празднике в Москве и знаменитой речи Достоевского писал не смущаемый редакцией, о том, что у Достоевского были тогда «маленькие и злобные глазки», а когда надели на взволнованного после речи писателя венок, то это была «смешная и жалкая фигура»⁵.

Какая ненависть, какое *презрение* к великому писателю! Чему тут научишься в звании читателя и почитателя «Летописи»? И разве только тому можно подивиться, что свой протест г. Никандров не заявил еще в прошлом году, когда журнал стал печатать дневники Л. Толстого. Там дело было не в одном только имени, а и самом тексте, своей толстовской религиозностью противоречившем самым основам журнала. Или тогда г. Никандров, как и М. Горький, смотрел не тем глазом?

Коей мерою мерите, тою же воздастся и вам. И когда я вижу, как читатель «Летописи» вмешивается в ответственное дело редакции и грозно наставляет своих наставников, я жалею испорченных учеников, но не их талантливого учителя.

«Русская воля», 1917, № 15, 16 января (под рубрикой «Литературный дневник»).

¹ Извещение о предстоящей публикации воспоминаний Шаяпина в «Летописи» встретило энергичные протесты демократической общественности. Так, например, 10 декабря 1916 г. группа сотрудников «Правды» и ряда рабочих изданий (Ив. Логинов, А. Ефимов и др., всего 32 подписи) обратилась с письмом в редакцию «Летописи» и большевистского журнала «Вопросы страхования» с протестом против опубликования в «Летописи» автобиографии Шаяпина («Летопись», II, стр. 585—586). Андреев в статье «Перед задачами времени» тоже выступил против печатания автобиографии Шаяпина в «Летописи». Однако мотивы Андреева были иными. Ссылаясь на условия войны, он призывал писателей к перестройке: «Кстати сказать: никогда еще столько не появлялось „воспоминаний“ и „мемуаров“, как за эти годы войны, никогда еще квелое прошлое так не боролось за себя, как теперь, перед лицом бурного настоящего и более вихревого будущего. Характерно, что М. Горький, только что успев закончить свои воспоминания, принимается за воспоминания Ф. Шаяпина и весь наступающий год — это 1917 год-то! — мы будем из месяца в месяц погружаться в прошлое» («Русская воля», 1917, № 1, 1 января). Первая половина автобиографии Шаяпина опубликована в «Летописи» в 1917 г. (№ 1—12) с цензурными искажениями. Горький предполагал опубликовать специально предпосланное воспоминаниям от имени Шаяпина разъясне-

ние (текст этого предисловия написал Горький). «Мне хочется,—говорилось в предисловии,— чтоб книга моя внушила читателям несколько иное отношение к простому человеку низов жизни, возбудила бы больше внимания и уважения к нему (...). Забудьте, что этого человека зовут Федор Шаляпин, и подумайте о тех сотнях и тысячах, которые по природе своей даровиты не менее Шаляпина, Горького, Сурикова и множества других, но у которых не хватило сил победить препятствия жизни, и они погибают, задавленные ею, погибают, может быть, каждый день» (см. «Федор Иванович Шаляпин», т. I, стр. 665). Это предисловие не было напечатано. Редакция «Летописи» поместила специальное обращение к читателям с объяснением причин, побудивших опубликовать воспоминания Шаляпина.

² Николай Никандрович *Никандров* (псевдоним Шевцова; 1878—1964)—писатель, участник революционного движения. В литературе выступил в 1903 г. в «Журнале для всех». В 1903—1904 гг., находясь в административной ссылке в Нижнем-Новгороде, встречался с Горьким. Первое значительное произведение — рассказ «Бунт» опубликовал в январском номере «Мира божьего» 1906 г. В 1910—1914 гг. жил в эмиграции в Швейцарии, Италии и Франции. Сотрудничал в «Современном мире», «Заветах», «Современнике» и других журналах. Первый сборник рассказов Никандрова «Береговой ветер» выпущен Книгоиздательством писателей в Москве в 1915 г. Заметив талант Никандрова, Горький пригласил его сотрудничать в «Летописи», где в 1916 г. появились рассказы: «Лес» (№ 2), «У истоков сердца» (№ 3) и «На Часовой улице» (№ 12). 24 декабря 1916 г. Никандров в письме к Горькому спрашивал: «Напишите мне, пожалуйста, решено ли у вас окончательно ее <Автобиографию> Шаляпина.— В. Ч.» печатать? Некоторые меня успокаивают, что, может быть, вы еще откажетесь от этой мысли. Поэтому я, невзирая на ваши проспекты относительно 17-го года, все-таки, для верности, еще запрашиваю и вас» (АГ). Ответ Горького (не сохранился), видимо, Никандрова не удовлетворил, и 13 января 1917 г. в кадетской «Речи» (№ 11) появилось «Письмо в редакцию», в котором Никандров заявлял о своем выходе из «Летописи».

³ См. об этом стр. 542—544 настоящ. тома.

⁴ Имеются в виду «Заметки о мешанстве», опубликованные в газете «Новая жизнь», 1905, № 1, 4, 12, 18 от 27, 30 октября и 13, 20 ноября.

⁵ Р. Т и м и р я з е в. Памяти друга. (Из воспоминаний о М. М. Ковалевском).— «Летопись», 1916, № 8, стр. 218, 219.